

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсц. . . 4 р. —

Отдѣл. номера по 20 к.

Съ доставкой, и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсц. . . 6 р. —

на 6 мѣсц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Спб. Поварской пер. д. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Спб.,
Надомная, д. 19, кв. 32.,

а также въ книж. маг. Вол-
къ, Нев., Гости, дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Востокъ».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Объявленіе о подпискѣ.—Недуги крестьянскаго самоуправления въ Сибирѣ.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Забайкалья, изъ Иркутска, изъ Бѣлаго округа и изъ Ферганской области.—Переселенія въ Манусинскій округъ.—Авгарская тираза (дорожный набросокъ) стихотвореніе *Омулскаго*.—Хроника жизни за недѣлю.—Библиографія: «М. Вергъ. Современная Японія». А. М.—Вираевы наветы.—Объявленіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

на 1883 годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАВАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

ЦѢНА ЗА ГОДЪ 8 РУБЛЕЙ.

Для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. оставшіеся экземпляры

за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ Редакціи см. на 1-й страницѣ.

НЕДУГИ КРЕСТЬЯНСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ СИБИРИ.

Если безпорядки и неустройства крестьянскаго самоуправления даютъ себя чувствовать въ губерніяхъ Европейской Россіи и изыскиваются средства для его улучшенія, то условія этого самоуправления еще болѣе вызываютъ вниманіе въ дореформенной окраинѣ, Сибирѣ. Правда, здѣсь примѣняется новый проектъ административнаго управленія государственныхъ крестьянъ, согласно началамъ 1861 года, но проектъ этотъ, имѣя свои хорошія послѣдствія въ общемъ складѣ жизни восточнореформенной Россіи, примѣняемый къ мѣстнымъ условіямъ Сибири долженъ былъ привести нѣсколько къ инымъ результатамъ.

Введеніе крестьянской реформы, на основаніи положенія 19 февраля 1861 г., въ общихъ половинкахъ Сибири, какъ пишутъ, прошло незамѣтнымъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что вводимыя преобразованія не устранили недостатковъ крестьянскаго управленія, не уничтожили онеки надъ сельскимъ населеніемъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ и писарей, для произвола которыхъ оставался достаточный просторъ.

Сибирскія волости попрежнему остались въ рукахъ восточныхъ писарей, дѣйствительныхъ вершителей ихъ судеб. Положеніе ихъ именно тѣмъ и печально, что они не имѣютъ никакой самостоятельности, никакихъ, въ сущности, правъ и компетенціи, с. составляя пендослужащую оброчную статью писаря и земскихъ чиновниковъ, остаются во власти и распоряженіи послѣднихъ. Показавъ дѣйствительную роль писаря и его значеніе въ общественныхъ дѣлахъ, мы желаемъ поставить на видъ, что при существующихъ порядкахъ не только не можетъ быть мысли о развитіи общественнаго управленія, а напротивъ, нужно опасаться разложенія и упадка волости, гдѣ одерживаютъ верхъ личные интересы разныхъ кабатчиковъ, кулаковъ и мѣрбодовъ, въ жертву которымъ всегда приносятся общественные интересы, съ совзволенія писаря. Сибирскій писарь, въ большинствѣ случаевъ—поселенецъ, прожженная личность, запятанная цѣлымъ рядомъ преступленій, за которыя онъ попалъ въ Сибирь и которыя продолжаетъ творить здѣсь. При помощи славянца общественниковъ, торжественнаго обѣщанія кулакамъ поддерживать всегда ихъ интересъ и такого же обѣщанія платить исправно контрибуцію исправнику и заседателю, онъ получаетъ общественный приговоръ и дѣлается писаремъ. Свои обѣщанія онъ держитъ крѣпко и никогда ихъ не нарушаетъ, въ такомъ случаѣ земская власть никогда не вмѣшивается въ дѣла его волости и предоставляетъ писарю извлекать свои доходы, какъ онъ хочетъ. И дѣйствительно, рѣдкій заседатель или исправникъ имѣетъ такіе громадныя доходы какъ писарь, выгода котораго заключается еще въ томъ, что онъ по десятку лѣтъ несменяемъ. Размѣръ писарской контрибуціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строго опредѣленъ, и не мѣняется съ переменной заседателя или исправника. Среднія цифры этой контрибуціи простираются въ годъ съ cadaго писаря исправнику въ 1,200 руб. и заседателю въ 600 руб., въ половину меньше *).

*) Сибирскіе заседатели (старики) получаютъ 900 руб. жалованья, а положена на нихъ такая масса обязанностей, что они должны содержать цѣлымъ канцеляріямъ для переписки.

кой безопасней и недоступней обличению, что они охотно предпочитают писарям хозяйничать въ волости, обходя прикрываясь всё ихъ плути. Теперь не мѣшаетъ объяснить, изъ какихъ источниковъ писарь покрываетъ эту ежегодную контрибуцію. Для этого есть источники постоянные и, такъ сказать, случайные, т.-е. для каждой волости неодинаковые. Изъ постоянныхъ источниковъ можно указать слѣдующіе: во 1-хъ, каждый годъ собирается, особенно съ богатыхъ крестьянъ, громадная сумма за освобождение отъ повинна ихъ дѣтей, исполняющихъ такому по льготамъ; во 2-хъ, за извѣщение малолѣтчиковъ отъ работъ во время отбыванія дорожной повинности (берется копейка по 60 съ души, примѣрно); въ 3-хъ, за паспорта и увольнительные свидетельства; въ 4-хъ, за выдачу приговора на право открытия кабака и т. д., перечислить которые не такъ легко. За приговоръ на право открытия кабака въ одной волости Нижнеудинскаго округа писарь бралъ недавно по 25 р., а всѣхъ кабаковъ въ этой волости 100 штукъ, такъ что эта одна статья давала ему 2,500 р. ежегодной ренты. Случайныя оброчныя статьи писарей еще болѣе разнообразны и неисчислимы. Въ той же волости есть складъ вина, который платитъ писарю ежегодно 600 руб. и представляетъ сверхъ того неограниченное количество водки. Въ ряду случайныхъ доходовъ весьма важную роль играютъ различныя подряды при помощи подставныхъ лицъ. Такъ, напримеръ, въ той же волости писарь строилъ зданіе по подряду за 6,000 руб., для чего онъ купилъ съ торговъ старый станъ за 60 руб. и сдѣлалъ въ немъ кое-какія пердѣлки; взявъ на себя этанную гоньбу при помощи подставнаго лица, за которымъ числится подрядъ и т. д. Ко всему этому нужно прибавить, что почти повсемѣстно существуетъ писарская натуральная повинность, заключающаяся въ томъ, что крестьяне косятъ писарю сѣно, напугъ пашню, жнутъ хлѣбъ, устраиваютъ рыбалки и т. д., «помочами» или просто по наряду. Словомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что волость для писаря есть оброчная статья, которую онъ распорядается прямо по произволу и исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ; сходы и все крестьянское управленіе есть факція, а волостные члены покорныя орудія, марионетки въ рукахъ писаря, который ставитъ свои печати тамъ, гдѣ онъ укажетъ и прикажетъ. Не будетъ также преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что власть и значеніе писаря въ волости несравненно болѣе и шире, чѣмъ, напримеръ, власть губернатора въ губерніи или исправника и засѣдателя въ ихъ районахъ. И такимъ образомъ, пока вершителями крестьянскихъ дѣлъ будутъ писаря и земскіе чиновники, до тѣхъ поръ никакая крестьянская реформа не принесетъ ожидаемой пользы населенію.

А что дѣлаютъ писаря и ихъ пріятель—волостные въ мѣстныхъ углахъ, или въ средѣ безпомощнаго инородческаго населенія? Тамъ произволъ ихъ еще менѣе ограниченъ. Вотъ фактъ: Кызыласовъ, родоначальникъ стеной думъ соединенныхъ разнородныхъ племенъ Минусинскаго округа, въ май сего года пустился въ поиски за золотомъ и бился въ тайгѣ по Кантегирю мѣсяца два, потерявъ тамъ всё свои наследственные девыаковки. По думѣ, между тѣмъ, въ концѣ іюня состоялся сходъ родовыхъ старостъ, для выслушанія смѣтныхъ исчисленій и составленнаго приговора на открытіе кабака въ думѣ, для торговли писарю Мукоевѣ (конечно, въ приговорѣ этого не говорится), причемъ старосты признали нужнымъ

избрать новаго родоначальника, на мѣсто Кызыласова; по приговору этотъ остался у Мукоева, потому что если смѣнить Кызыласова, то и ему не служить. 10 іюля Кызыласовъ возвратился изъ тайги и началъ изыскивать средства, какъ-бы наверстать свои убытки. Съ этою цѣлью онъ вытребовалъ Белтирскаго старосту Карабилека и, когда тотъ на требованіе Кызыласова о деньгахъ, изливше собранныхъ съ инородцевъ, отозвался неимѣніемъ ихъ, то тутъ же, на мѣстѣ былъ избитъ. Затѣмъ, Кызыласовъ отправился въ Аскизъ усмирять непокорныхъ старостъ, пожелавшихъ избрать другаго родоначальника. Тутъ онъ, подстрекаемый писмоводителемъ Мукоевымъ, зазвалъ въ квартиру свою Карабилека, и опять избилъ его до полусмерти. Послѣ нѣсколькихъ часовъ обморочаго состоянія, Карабилекъ отдохнулъ отъ побоевъ, поднялся и сказалъ родоначальнику, что если не дадутъ ему инородцы его рода деньги для Мукоева и Кызыласова, то онъ отдастъ собственныя свои, и тогда съ отдалъ 104 руб. 52 коп. Въ этотъ же день Кызыласовъ избилъ жестоко Казанскаго старосту за то, что онъ смѣлился избрать новаго родоначальника. Послѣ этой расправы Кызыласовъ и Мукоевъ созвали родовыхъ старостъ для отобранія отъ нихъ подписки, которую и обизали ихъ собрать осенью сего года, при сборѣ податей и повинностей, по 10 коп. съ каждой души инородцевъ, на расходы Мукоевѣ. При совѣщаніи по этому дѣлу, Кызыласовъ и Мукоевъ, съ 6-ю родовыми старостами (такъ какъ другіе 6 старостъ не пріѣхали), заключились въ коматѣ Мукоева, выгнавъ предварительно оттуда родовичей, и тамъ совершили этотъ документъ. Остальныхъ старостъ Мукоевъ вызывалъ въ думу уже по одиночкѣ, для приложенія должностныхъ печатей къ этому документу.

Между другими источниками дохода Мукоева, можно указать на то, что онъ оставляетъ въ свою пользу 300 руб., отпускаемые изъ казначейства и положенные по штату думѣ помощнику писмоводителя; помощника Мукоевъ не держитъ, а отписку бумагъ по думѣ возложилъ своею властью на двухъ улусныхъ писарей въ с. Аскизѣ (Удеганова и Григорьева), которымъ денегъ этихъ не дасть, а по книгѣ въ полученіи ихъ принуждаетъ росписываться.

Что новое положеніе объ управленіи крестьянъ не принесетъ особой пользы при сибирскихъ порядкахъ, удивляться нечему. Въ самомъ дѣлѣ, строй сибирской сельской жизни, волостные порядки и подчиненіе сельскаго управленія администраціи, нѣсколько иного характера чѣмъ въ Европейской Россіи. Это крестьянскаго самоуправленія, безпорядки волостныхъ и сельскихъ обществъ, какъ и тягосія, наложенныя на крестьянство исходятъ совершенно изъ другихъ источниковъ. Всѣ знающіе условія сибирскаго сельскаго быта знаютъ, что огромная безурядица происходитъ отъ этого вмѣшательства, которое со стороны земской полиціи практикуется, въ крестьянское земское хозяйство, и въ томъ производѣ, который здѣсь допускается. Если крестьянство въ Европейской Россіи гарантировано отъ этого суммою новыхъ учрежденій, судомъ, лучшимъ составомъ администраціи, то въ Сибиріи дѣла находится въ томъ же положеніи, какъ 50 лѣтъ назадъ въ Европейской Россіи, то-есть любой земскій чиновникъ здѣсь глава волости и всего крестьянства. Если въ Европейской Россіи для регулированія, направленія и контролльванія крестьянскаго самоуправленія являются здоровыя учрежденія и органы, то въ Сибиріи таковыхъ нѣтъ и еще не создано.

Въ Европейской Россіи земское хозяйство и налоги обезпечены отъ хищенія и поборовъ. Ни одна крестьянская копейка нейдетъ не по назначенію, въ сибирской волости десятки тысячъ, какъ мы докажемъ бюджетами, идутъ чрезъ руки волостныхъ писарей и на крестьянствѣ лежитъ масса темныхъ и фиктивныхъ расходовъ. Новое крестьянское самоуправленіе по началамъ 1860 г. поэтому немалыми въ Сибири безъ введенія тѣхъ учреждений, которыя гарантировали жизнь крестьянства и въ Европейской Россіи. Если въ Европейской Россіи говорится объ «опекѣ» крестьянскаго самоуправленія, то всегда, разумѣется, въ чистыхъ источникахъ и лучшимъ смыслѣ; если существуютъ защитники свободы самоуправленія, то они говорятъ противъ опеки, какъ формы вмѣшательства и регламентаціи, а не какъ предлога къ злоупотребленіямъ. Въ Сибири историческая опека при старыхъ порядкахъ получила иное назначеніе и разумѣть ее въ новомъ смыслѣ невозможно. Ее иначе понимаетъ русский реформаторъ и иначе сибирскій чиновникъ. То, что въ складѣ жизни Европейской Россіи можетъ составить гарантію, въ Сибири можетъ составить обратное. Такъ и случилось съ вопросомъ крестьянскаго самоуправленія. Большею крестьянской волости въ Сибири хорошо извѣстна, какъ и необузданная власть писарей, засѣдателей и исправниковъ. Между тѣмъ новый проектъ положенія о крестьянахъ для излеченія зла полагаетъ усиленіе власти и надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ, какъ и контроль его рѣшеній, но за немѣнимыя новыя учрежденія возлагаетъ все это на тѣхъ же засѣдателей и исправниковъ, увеличивая ихъ вліяніе. Понятно, что крупныя измѣненія не могло произойти въ жизни крестьянства.

Указываемые примѣры рисуютъ одну форму зла и безвыходности, а именно злоупотребленія волостныхъ писарей единичныя и сложныя, посредственныя и непосредственныя. Сибирская практика даетъ самые разнообразныя примѣры. Контингентъ волостныхъ писарей весьма часто подвергается обвиненіямъ, но сила не въ немъ одномъ; какъ видимъ, писарь вынуждается брать другими чинами земской полиціи и является ихъ орудіемъ. Но часто волость не выигрываетъ ничего и при честномъ земскомъ чиновникѣ, ибо волостные писаря, ближе стоящіе къ крестьянской средѣ, продолжаютъ злоупотреблять. Единственное средство—сминая писарей, но при одинаковомъ ихъ контингентѣ часто происходитъ только смѣна злоупотребленій. Въ концѣ невозможно разобрать, кто беретъ въ волости и крестьянъ, писарь или земскіе полиційскіе чины. Полиційскіе чины будутъ предьявлять, что они люди честные, а злоупотребляютъ писаря, писаря будутъ оправдываться, что они вынуждены земскою полиціею. Кто изъ нихъ честнѣе—не разберешь. При мѣстной-же формалистикѣ и перенесѣ дѣло можетъ до того запутаться, что высшее губернское начальство потеряетъ всякую нить къ правдѣ и пострадаетъ въ концѣ правый. Такія драмы и происходятъ въ сибирской жизни. Въ дополненіе къ характеристикѣ крестьянскаго самоуправленія въ нашихъ рукахъ находится дѣло объ одномъ волостномъ писарѣ въ Восточной Сибири Карачанской волости Павловъ. Этотъ писарь составлялъ весьма рѣдкое исключеніе, онъ пробовалъ стоять за крестьянскіе интересы и обнаруживать злоупотребленія. И его исторія представляла новый примѣръ сибирской практики. Преслѣдуемый засѣдателями, отдаваемый подъ судъ, претерпѣвшій массу несправед-

ливостей, онъ обращается съ слѣдующимъ прошеніемъ къ Иркутскому гражданскому губернатору:

«Если наши государственные законы изданы не для проформы и сохраняютъ въ Сибири хотя малѣйшую силу,—я прошу Ваше Превосходительство разсмотрѣть настоящую мою жалобу и сдѣлать по ней самое строжайшее разслѣдованіе, предавъ виновныхъ въ нарушеніяхъ этихъ строгому уголовному суду. Отсутствие всякой солидарности во взглядахъ и поступкахъ низшихъ полиційскихъ агентовъ, отсутствие всякой легальной точки опоры, грубый и въ высшей степени непопулярный административный произволъ этихъ агентовъ на каждомъ шагѣ, а отсюда дѣльный рядъ безобразныхъ и до неифирности разнообразныхъ ихъ дѣйствій, преступающихъ законы, и государственное и общественное право, и право и честь отдѣльныхъ личностей, безнаказанное посягательство на государственную, общественную и частную собственность, убійдѣя меня, что законы эти не соблюдаются, иначе долгая и полная безнаказанность этихъ властей, при существованіи закономъ установленной инспекціи, не можетъ быть ничѣмъ объяснена».

Понятно, что здѣсь уже правда на сторонѣ гонимаго волостнаго писаря. Таковъ комбинаціи существующаго крестьянскаго самоуправленія и его недуги. Понятно, что здѣсь причины не въ одномъ составѣ земской полиціи и не въ составѣ волостныхъ писарей, потому что все это дѣло случайности, но въ тѣхъ обязанностяхъ, которыя на нихъ возлагаются по веденію крестьянскаго хозяйства и самоуправленія. Выдѣлите отъ нихъ эту область и злоупотребленія уничтожатся, какъ уничтожились въ Европейской Россіи съ введеніемъ земства. Словомъ, лекарство не въ усиленной опекѣ земской полиціи, а въ тѣхъ новыхъ формахъ жизни и учрежденій, которыя должна исходить сибирская крестьянская реформа.

ХРОНИКА.

Въ «Томскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» помѣщено большое и обстоятельное описаніе Минусинскаго музея, рассказывающее его исторію и сообщющее свѣдѣнія о его настоящемъ состояніи. Выписываемъ изъ этой статьи тѣ мѣста, въ которыхъ говорится о воспитательномъ значеніи этого учрежденія. «Основаніе въ Минусинскѣ музея, библиотеки и кабинета учебныхъ пособій—превосходный образецъ того, что можетъ сдѣлать, чего можетъ добиться отъ окружающаго общества даже какой-нибудь одинъ изъ человѣкъ, притомъ лишенный матеріальныхъ средствъ и крайне занятой, едва онъ выступитъ во имя интересовъ, симпатичныхъ обществу. Люди вездѣ, въ сущности, одинаковы — и нѣтъ того городшка, въ которомъ бы ни не нашли, въ дремлющемъ состояніи, стремленій вообще свойственныхъ вѣку. И общество всегда только ждетъ, чтобы умѣлая рука честнаго человѣка днула его въ томъ направленіи, которое оно смутно сознаетъ полезнымъ».

«Минусинскій музей» усердно посѣщается жителями окрестныхъ деревень и города. Въ 1881 г. въ залахъ музея перывалюа около 2000 посѣтителей. Пусть читатель вѣкамъ разсудитъ, мало ли, много ли умственной пользы должно было принести простому люду разсматриваніе всевозможныхъ предметовъ... Минусинскій округъ весь отъ всей души откликнулся на начинанія г. Мартынова, зная съ кѣмъ имѣть дѣло и создавая, болѣе или менѣе отчетливо, смотрѣ-

по лицам, важность науки. В 1881 г. поступило для музея денежных пожертвований 1013 р., начиная с крупных взносов и кончая массою мелких, рублевых, двух-рублевых и т. д.

„Мы лично бы свидетелем, продолжает автор статьи, как постепенно из теченія 5—6 лѣтъ возростала въ Минусинскѣ охота къ чтенію. Началось, конечно, съ того, что стали брать романы и журналы; впрочемъ, уже во второй годъ существованія библиотекъ были выписаны романы и повести не какіе попало, а именно самые лучшіе, какіе есть въ Россіи, оригинальные и переводные. Постепенно жителямъ стали брать для чтенія и книги серьезнаго содержания. Мы можемъ положительно засвидѣтельствовать, что въ Минусинскѣ есть лица, которыя, по собственному ихъ сознанію, обязаны болѣе, чѣмъ многимъ, минусинскій библиотекѣ.“

Эта замѣтка о Минусинскомъ музеѣ тѣмъ важна, что написана очевидно человѣкомъ не только виднымъ музеемъ, но и присутствовавшимъ при его постепенномъ ростѣ. Еще разъ приходится пожалѣть, что въ Сибирь мало протрета частной инициативы. Сколько бы хорошихъ начинаній было сдѣлано, если бы частныя дѣятельности не стѣсняли формальности и разныя обстоятельства, стоящія не рѣдко поперекъ дороги такимъ начинаніямъ.

Намъ передавали, что Кабинетомъ Его Величества предлагается уредить въ Алтай должность постоянного геолога. Назначение на эту должность будетъ зависѣть отъ начальнаго алтайскихъ заводовъ; изъ этого можно заключать, что предлагаемый постоянный геологъ будетъ находиться въ зависимости отъ мѣстнаго горнаго управленія. Не можемъ по этому поводу не высказать опасенія, чтобы эта должность не обралиась просто въ sinecure. Сдѣланный Кабинетомъ оиытъ приглашенія постороннихъ геологовъ и натуралистовъ, назначенныхъ Обществомъ естественныхъ исторіи при Сиб. университетѣ, кажется нельзя назвать неудачнымъ и незаслуживающимъ повторенія.

Намъ передаютъ о слѣдующихъ неудобствахъ, встрѣченныхъ нынѣ при превращеніи въ Сибирь арестантскихъ партій. На основаніи распоряженія статьи-секретаря Грота арестантамъ, заботящимся въ пути слѣдованія въ Сибирь, разрешается выматъ подводу этанная лишь на тѣхъ арестантовъ, кои, по освѣдѣствованію ихъ въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ особою комиссіею, будутъ признаны неспособными слѣдовать ишкомъ и у которыхъ въ статейныхъ спискахъ будетъ объ этомъ сдѣлана отмѣтка, всѣ же остальные должны безусловно слѣдовать ишкомъ и въ случаѣ заботванія арестантовъ въ пути отъ мѣста послѣдняго освѣдѣствованія ихъ, выдана мѣстныиъ судьямъ свидѣтельство на право выматія подводу до слѣдующаго такого же пункта строго воспрещено. Такимъ образомъ выходитъ, что арестантъ, вышедшій, положимъ, изъ г. Красноярска, долженъ идти даже и тогда, если заболѣетъ, до перваго лазарета или до губернскаго или уѣзднаго города, т.-е. на разстояніи: до перваго лазарета не менѣе 150—200 верстъ и до уѣзднаго или губернскаго города на разстояніи 500 верстъ. Принимая во вниманіе непоуду, сылокот, дурное помѣщеніе этапотъ, отсутствіе горючей пищи, кромѣ чая, плохую одежку и нигуда негодную обувь, арестантъ только съ желаніемъ здоровьемъ можетъ выносить всю тяжесть своего путешествія здоровьемъ, болышинство же арестантовъ болные и слѣдовать ишкомъ не могутъ. Распоряженіе же статьи-секретаря Грота мотивировано тѣмъ, что съ выдано свидѣтельство врачамъ, вхождающимъ въ составъ комиссій, является необходимость выматъ лишнія подводы подъ связь болныхъ арестантовъ и что въслѣствіе этого контракты на этапную гоньбу заключаются съ каждымъ годомъ дорожее. Не отриная этого факта, нужно замѣтить, что съ издавіемъ этого распоряженія въ дѣлѣ заключенія контрактовъ не предвидится возможности къ заключенію ихъ дешевле, во-первыхъ, потому, что всякій подрядчикъ, берущійся за это дѣло, не можетъ знать сколько будетъ комиссіею выдано свидѣтельство, а слѣдовательно и неизвѣстно и то, сколько будетъ въ теченія года потребно подводу, и плну возмѣтъ болышюу, а не меньшюу. До сего времени въ восточной Сибири, на основаніи инструкцій для мѣстн., завѣ-

двающихъ приемомъ и отправкою арестантовъ, утвержденной еще генералъ-губернаторомъ восточной Сибири барономъ Фредериксомъ, практиковалась слѣдующій способъ: заключался контрактъ на право выматія столькихъ подводовъ, сколько потребуются по числу болныхъ; нанѣ же, съ издавіемъ этого распоряженія, выматіе подводу по числу дѣйствительно болныхъ арестантовъ запрещается, а можно только брать то число подводовъ, какое слѣдуетъ по числу свидѣтельствъ. Очевидно, такая мѣра противорѣчитъ дѣйствительности. Арестанты, такіе же люди, какъ и всѣ, не обладають особеннымъ желаніемъ здоровьемъ и также подвержены всякимъ случайнымъ заболѣваніямъ; отсюда естественно, если арестантъ, пройди 150 верстъ, т.-е. 8—10 дней въ распутицу и на своихъ собственныхъ подошвахъ, заболѣетъ, то ему необходимо слѣдовать на лошади, а не ишкомъ; между тѣмъ, начальнымъ коноводнымъ командамъ не имють возможности, въ силу распоряженія г. Грота, дать болному подводу. Намъ кажется, что такое распоряженіе по меньшей мѣрѣ въ отношеніи арестантовъ несправедливо и требуетъ отмены со; такъ какъ оно писалось въ Петербургѣ, не зная мѣстныхъ условій и вѣроятно при предположеніи, что города на смыслѣмъ трактовъ встрѣчаются очень часто и что обувь и прочая одежка удовлетворительна, но къ сожалѣнію, если такіа предположенія существовали, то они были ошибочны. Обувь, положенная арестанту на 1 1/2 мѣсяца, носится много-много дѣлъ недѣль, а замѣтъ нигуда негодится, о чемъ неоднократно приходилось составлять акты. Итнее движете арестантскихъ партій слѣдовало давно отмѣнить, потому что оно причиняетъ только убытки и болыша неудобства. Устройство этапныхъ зданій въ Иркутской губерніи ниже всякой критики, зданія построены впрямь. Бойомъ наездъ tutto всего лѣтъ тѣтъ, но теперь уже представляють собой одѣтъ лишь развалины, ремонта никакого, а все сводится лишь къ составленію актовъ, сметамъ и замѣтъ къ складанію всего этого подъ сукно навсегда. Этанная гоньба отбывается за высокую цѣну, у насъ за 2,900 р., а порядковъ никакихъ нѣтъ. Подрядчики акквизируютъ всѣми казенными подрядами и покровительствуются наблюдающимъ за ними. Такъ сообщается недавно о многихъ безпорядкахъ на потовой станціи Кимельгейсовой, тоже сдержимой подрядчикомъ, который умѣлъ войти въ расположеніе почтоваго начальства, неумогаго нѣтъ добиться отъ того же почтосодержателя, съ февраля мѣсяца, съѣвъ вытствующихъ измичиновъ, о которыхъ оно сдѣлано предисваніе еще въ февралѣ. Смотритель почтосодержателя мнѣяетъ, по своему произволу, какъ рукавчикъ, третируетъ ихъ, а потовое начальство на все это глядитъ безучастно. Въ угоду почтосодержателя, въ конвоицковъ, удаляютъ безвинныхъ смотрителей: въ К. въ восемь мѣсяцевъ сѣхнлось 8 человекъ. Крестьяне, въ свою очередь, терять различнаго притѣсненія. Земская полиція также покровительствуетъ подрядчикамъ и даетъ полномочія кредиторамъ сажать должниковъ за долги безъ суда и сѣдства, по одному лишь приказанію, въ каталажку. Прихвѣвшій новый иркутскій губернаторъ сильно противостать всѣмъ сибирскимъ безпорядкамъ и крестьяне ждутъ отъ него очень многого.

Изъ Восточной Сибири сообщается, что иркутское чиновничество въ настоящее время переживаетъ то душевное состояніе, которое переживали многіе изъ героевъ „Ревизора“! Это душевное состояніе вызвано прѣзрѣномъ новаго губернатора г. Носовца. Съ другой стороны, чиновничество по тому же поводу обнаружено надеждами и предположеніями такого характера: не обратитъ-ли, молъ, оно вниманіе на нѣкоторые мѣстные вопросы, напримеръ: отчего въ Иркутскѣ опасно вечеромъ на улицу показываться, а городская полиція, подъ предлогомъ охраны населенія, разгнѣываетъ обитателей сценъ? отчего по тракту до Нижнеудинска двѣ шапки грабителей уже давнѣею прожгавшихъ безловчатъ? отчего между исправными встрѣчаются люди совершенно безграмотные? отчего нѣкоторые довольно важныя дѣла лежать неисполненными 10—15 лѣтъ? отчего крайняя вещь хозяева ходятъ искать въ захолустья дворовъ частныхъ управъ и обрѣвѣтъ и т. д. и т. п. Если бы перебрать всѣ „отчего“, вертѣющіяся въ умахъ претантъ, составилась бы болышій томъ убористаго шрифта, и это показывается, что настоящее положеніе Иркутской губерніи не за-

ставить ликовать наблюдателя и не может расположить къ благодетелю дѣянаго правителя губерній: лавровъ ить и починать не начеиъ (вспомите ужъ такой). Вотъ почему желательно въ новомъ губернаторѣ встрѣтить человѣка дѣятельнаго и внимательнаго къ дѣйствиельнымъ нуждамъ населенія.

Г. Носовичъ уже успѣлъ если не осуществить надежды населенія (скоро сказка говорится, да...), то по крайней мѣрѣ поддержать ихъ. Онь, повидимому, имѣетъ искреннее желаніе серьезно ознакомиться съ туземными интересами. Больнуди, говорятъ, намешъ въ положеніи, на удивленіе всему миру жалкомъ, въ одномъ учебномъ заведеніи — неопытность и грязь. Туземцы думаютъ: „можетъ и сдѣлать что-нибудь... только удачи-ли? Одинъ въ погъ не воинъ, принимаю во вниманіе окружающее“.

Въ „Сибирской Газетѣ“ напечатано: генералъ Носовичъ (новый иркутскій губернаторъ) сдѣлалъ уже обѣщанія по губерній и, говорить, поражаетъ мѣстныхъ порядками. Особенно характерно выразился онъ въ одномъ случаѣ: „я боюсь, говорить, пока сильно копаться при ревизіи, потому что за что ни возьмусь, вижу, что кого-нибудь нужно непремѣнно предать суду“. Будемъ надѣяться, что это первое смущеніе свѣжаго администратора въ затхлои сибирской атмосферѣ скоро пройдетъ и онъ произведетъ полное и подробное изслѣдованіе мѣстныхъ злоупотребленій. Нѣкоторые изъ этихъ злоупотребленій обратились въ систему, имѣють видъ мѣстной административной практики; тутъ было бы и несправедливо карать закономъ; но и въ томъ случаѣ, гдѣ злоупотребленіе такъ сказать обязано индивидуальной изобрѣтательности, оно часто истекаетъ изъ общаго строя мѣстной жизни. Поэтому не въ каракъ закона дѣло, а въ обращеніи къ самому обществу. Въ сибирскомъ обществѣ, какъ оно ни плохо, есть элементы хорошіе, но они не пользуются у сибирской администраціи уваженіемъ. Давать ить и цѣну этимъ элементамъ и воспользоваться ими и эмансипировать отъ золотопромышленниковъ и винокуренныхъ заводчиковъ былъ всегда политикой хорошихъ администраторовъ Сибири: такъ поступалъ Сперанскій, такъ впоследствии поступалъ и генералъ-губернаторъ Запад. Сибири Казанковъ.

Въ той же газетѣ и еще помѣщено извѣстіе о новомъ иркутскомъ губернаторѣ, такого содержанія: „мы слышали, что новый иркутскій губернаторъ генералъ-майоръ Носовичъ предписалъ всѣмъ полицейскимъ управленіямъ, засѣдательскимъ, волостнымъ правленіямъ и сельскимъ управленіямъ ни подъ какимъ предлогомъ не допускать къ занятію разныхъ служебныхъ должностей поселенцевъ, а состоящихъ на службѣ немедленно удалить“. Не можетъ быть сомнѣнія, справедливо говорить даже „Сибирская Газета“, въ томъ, что подобная мѣра вынуждена генералу Носовичу добрыми чувствами и желаніемъ принести населенію пользу, но едва ли эта мѣра можетъ имѣть особенное значеніе для кого-либо, кромѣ только тѣхъ поселенцевъ, которыхъ выгонять со службъ. Въ самомъ дѣлѣ мѣра эта какъ будто предполагаетъ, что все зло сидитъ въ поселенцахъ, которые орудууть дѣлами и что стоитъ всѣхъ ихъ выгнать, какъ дѣла пойдутъ самымъ настоящимъ образомъ. Мы думаемъ, что и генералъ того же мнѣнія и что на распоряженіе свое онъ смотритъ только, какъ на объявленіе „своей программы; мы полагаемъ, что этимъ распоряженіемъ онъ хотѣлъ выразить свое порицаніе старымъ порядкамъ, а потому можетъ только благодарить его за такой оборотъ. Правда, названное значеніе бумажнымъ аттестатамъ придавать не слѣдуетъ; какъ университетскій дипломъ еще не всегда говоритъ о даровитости и гражданскаго неподкупности патента, такъ и статейный списокъ не всегда свидѣтельствуетъ объ испорченности поселенца. Странно бывають слышать, когда иной заадиитъ, что все его снание въ окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; подавай ему и засѣдатель съ университетскимъ дипломомъ и кварталныхъ съ значкомъ академіи генеральнаго штаба, въ рождъ того, какъ въ Гоголевской, „Женитьбѣ“ наивѣстный мичманъ А. уперся на томъ, что невѣста непременно должна знать по французски. „Да на кой вамъ чортъ французскій языкъ?“ спрашиваетъ его Яннуца. Но мичманъ твердитъ одло: „Какъ же такъ? невѣста — и вдругъ не знаетъ по-французски!“ Въ исторіи сибирской администраціи есть примѣры, какъ умные администраторы умѣли пользо-

ваться способностями человѣка ненадежнаго, такъ наприм. графъ Муравьевъ-Амурскій сумѣлъ отгадать способности Ваганова и Шишмарева и воспользоваться ими. Съ другой стороны, тотъ же администраторъ не брезговалъ и услугами интеллигентныхъ поселенцевъ. Свѣшневъ былъ при немъ лекторомъ „Иркутскихъ Вѣдомостей; въ западной Сибири въ Горчаковъ пользовался софтами ссыльнаго математика Вязниковаго. Исторія науки въ Сибири предстаетъ не одинъ примѣръ въ этомъ рождѣ. Конечно, оглушная мѣра генерала Носовича постигаетъ два, три лица несправедливо. Тѣмъ не менше къ подобному распоряженію мы можемъ отнестись только сочувственно. Оно внушаетъ намъ мысль, что отнѣвъ съ примѣра г. Носовича, заведется у сибирской администраціи болѣе чистоплотности въ выборѣ служебнаго персонала, тѣмъ это было прежде. Положимъ, требуется укротить разбой на большой дорогѣ; мѣстное начальство посылаетъ человѣка, замѣшаннаго въ нѣсколькихъ дѣлахъ, судомъ неоправданнаго и лишенаго права на государственную службу. Разбой укротенъ; но въ общественно-воспитательномъ отношеніи не безразлично, какою рукою онъ укротенъ: рукою человѣка незапятнаннаго или ошельмановаго.

Что же касается до возможности, что это мѣрою будутъ смѣшаны и нѣкоторые полезные люди, это дѣло, конечно, поправимое; отдѣльные случаи могутъ быть доведены до свѣдѣнія губернатора и онъ, разумеется, въ удабныхъ случаяхъ можетъ сдѣлать исключенія. Намъ особенно въ этомъ дѣлѣ радуетъ признаніе самую администрацію ненормальныхъ условій сибирскаго крестьянскаго управленія, которыми такъ долго она не гнушалась. Не удивительно ли, въ отной части имперіи люди опозоренные судомъ изгоняются, какъ недостойные, изъ общества, а въ другой ихъ обрацанъ въ армію воюющую пнеарей, дѣлами фундаментомъ управленія дѣльми крестьянъ? Можетъ быть находились при этомъ такіе важные люди, которые вѣрили, что такимъ образомъ элементы, бывшіе вредными на старой родинѣ, въ новой средѣ являлись полезными государству, только сибирское общество не заблуждалось подобнымъ образомъ.

— Намъ пишутъ: „Въ Минусинскѣ открыта метеорологическая станція, гдѣ съ 1-го октября начались правильныя наблюденія, которыя будутъ высылаться всѣмъ по первому требованію. Къ несчастью, метеорологическая станція не обладаетъ всѣми необходимыми инструментами для болѣе точныхъ наблюденій: нѣтъ, напримѣръ, термографа и барометра, да и достать неждѣ“.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Забайкалья (корресп. «Вост. Обзор.»). «Въ вѣтренномъ мѣтѣ сезеніи существуетъ на людяхъ болѣзнь, со времени назанъ тому мѣсяца, именно болѣзнь въ человѣкѣ начинается съ головы и по тѣлу жаромъ, ознобомъ временно, а потомъ переходя по костямъ тыломъ, по нутру жаромъ и одолеваетъ жажда до такой степени, человѣкъ бѣтаетъ ить ума безъ чувствъ» и проч. Такъ доносилъ 1-го августа старшина тунгуской деревни Нижняя Хила оловскому головѣ, живущему въ той же деревнѣ. Рапортъ головы неждѣ до думы нейтии три, такъ что только 25-го августа была дана жителѣмъ первая медицинская помощь сельскимъ, тунгусскимъ, фельдшеромъ. По словамъ его, болѣзнь эту можно отнестъ къ воспалительной горячкѣ, переходящей въ бршнюю тифъ. Болѣзнь занесена сюда съ приека Бутинныхъ, Дарсунова, откуда, въ началѣ весны, привезена была дочь тунгуса Матвѣя Петрова Арина, Матрена. Благодаря отсутствію всякой медицинской помощи до послѣднихъ чиселъ августа, бршнной тифъ быстро распространялся по всей деревнѣ. Въ Нижней Хилѣ до 50 дворовъ, болѣвшихъ было 25-го августа 65 человѣкъ, умерло 9 человѣкъ; болѣвшие были въ каждомъ домѣ, во многихъ же лежали синомъ, отъ мала до велика. Со времени прѣзда сюда нашего «медика», болѣзнь мало-по-малу начала прекращаться. Съ 1-го по 15-е сентября въ Нижней Хилѣ умерло еще 7 человѣкъ, всего же съ начала бо-

дьяки 16. Кроме Нижней Хилы бронной тифъ появился и въ дер. Кыдичевъ, куда онъ былъ занесенъ также съ Дарасуна; сюда съ Дарасуна былъ отправленъ большой рабочей казакъ Гадковъ, который по приѣздѣ домой умеръ, заразивъ свое семейство, а отсюда болѣзнъ начала гулять по всей деревнѣ и унесла немало жертвъ. Болѣзнъ народъ въ общахъ деревняхъ въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ, не получая никакой медицинской помощи. Это тѣмъ болѣе странно, что въ 30 верстахъ отъ Хилы находится Неринскіе, мѣшковой духомъ врачей. Когда къ нимъ обратился начальникъ тунгусовъ и попросилъ ихъ съѣздить съ нимъ въ Хилу осмотрѣть больныхъ, то неринскіе врачи отказались подлѣ тѣмъ, предавтомъ, что безъ распоряженій начальства они не могутъ ѣхать къ другой (Чигинскій) округъ. 7-го сентября приѣзжалъ въ Хилу неринскій врачъ Шари, но на другой же день уѣхалъ. Еще весной, въ этомъ году, почти до половины лѣта на приискѣ Дарасунѣ существовалъ падежъ на лошадей. Болѣзнъ, начинавшая опухолью на груди, шеѣ и другихъ мѣстахъ, дѣйствовала очень быстро и никакія мѣры, принимаемая здѣшними лекарями-коновалами, за отсутствиемъ знающихъ ветеринаровъ, не помогали. Самое леченіе больныхъ лошадей было—такъ сказать—доморощенное, практикующееся вездѣ по Забайкалью: опухоль надрывали, а въ разрывѣ сыпали судены. Такое леченіе не обходилось безъ печальныхъ послѣдствій: лошадей не спасали, а коновалы, лечившіе и ухаживавшіе за больными лошадьми, сами заражались и умирали. Такъ, у подрядчика по слемкѣ турфовъ, Полутова, за разливомъ, во время леченія больныхъ хозяйскихъ лошадей, коновалъ: тунгусъ деревни Кокуйской Григорій Лисичниковъ и мѣщанинъ Болотовъ, и умерли вскорѣ. Лисичниковъ оставилъ послѣ себя многочисленное и безпомощное семейство. Такіхъ случаевъ, говорятъ, было здѣсь немало: умирали коновалы и простые рабочіе и у приисковыхъ хозяевъ, и у частныхъ турфовщиковъ, небрежно и немудро лечившихъ лошадей. Кроме этого, рассказываютъ, здѣсь былъ и бронной тифъ. Начался онъ еще въ прошломъ году, продолжался въ нынѣшнемъ и немало унесъ жертвъ, по большей части, изъ рабочихъ. Да и какъ имъ было не помраться при очень тяжелой работѣ, продолжающейся съ 4-хъ часовъ утра до 8 ч. вечера, съ небольшими перерывами, зачастую въ зной, грязь и сыяковтѣ, при недостаточной и плохой пищѣ. Судя по рассказамъ самихъ рабочихъ, бывавшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ съ Дарасуна партіями по нѣскольکو человекъ, здѣсь зачастую практикуется выдача рабочимъ, вмѣсто свѣжаго и хорошаго мяса, протухлыхъ головъ и потроховъ. Помѣщеніе рабочихъ также несомненно хорошее. Это, по большей части, простые бараки не шире 2 1/2 саж., раздѣленные поперекъ на нѣскольکو помѣщеній по 2 1/2—3 саж., при вышинѣ ихъ менѣе сажени внутри, съ поломъ, настилаемымъ прямо на землю. Въ каждомъ помѣщеніи съ одной стороны вѣтуть двери, прямо же по два окна рядами, зачастую съ выбитыми стеклами; съ двухъ сторонъ нары. Полы, нары, стѣны покрыты толстыми слоями грязи. Въ такомъ помѣщеніи спать не менѣе 25 человекъ рабочихъ, такъ что на каждого приходится среднимъ числомъ по четверти кубической сажени (85,75 куб. футовъ) воздуха. Трудно представить, до какой степени испорченнымъ воздухомъ дышатъ рабочіе! Такая заразительная болѣзнъ, какъ тифъ, распространяющійся, встрѣчала несомнѣнно почто для себя среди рабочихъ; рабочіе не находили другого выхода для себя, какъ бѣжать, во что бы то ни стало, хотя побѣгъ ихъ никакой пользы ни имъ, ни ихъ обществу не приносилъ. Сейчасъ же за побѣгомъ рабочихъ, приисковое управленіе обыкновенно обращается въ исправники; послѣдніе предписываютъ станциямъ, волостнымъ правлениямъ и

думамъ о скорѣйшемъ розысканіи и прероженіи рабочихъ—приисковыхъ должниковъ—за строгимъ карауломъ. Исправники отдають вынесенныя правленіи и думы строгими предписаніями, требуя «въ 24 часа выполнить предписаніе относительно высылки рабочихъ людей на прииски». Такое, напримеръ, предписаніе было разослано по поводу побѣга съ Шахтампирскихъ приисковъ. За неисполненіе такихъ строгихъ повелѣній общественнымъ управленіямъ и должностнымъ лицамъ сулятъ всевозможныя кары и наказанія. Благодаря приисковымъ магнатамъ, много испускается бумагъ въ разныхъ канцеляріяхъ и общ. управленіяхъ, еще больше тратится труда и самаго дорогаго времени на розыскъ и прероженіе бѣгцовъ-рабочихъ на прииски, какъ разными должностными лицами, такъ и жителями. И все это безъ всякаго вознагражденія со стороны приисковъ! А эти прииски, въ рѣдѣ Дарасуна, находятся въ такомъ приниженомъ положеніи и приносятъ обществу совершенно ничтожную пользу, безаказанно служатъ рассадникомъ всевозможныхъ болѣзней!

Въ концѣ августа, изъ Читы, внизъ по Ингодѣ, поплыли молодые казаки—послѣдняго призыва,—отпущенные со службъ въ отпускъ на мѣсяцъ: дорогой они запылали въ деревни, за покупку съѣстныхъ припасовъ. Время было рабочее, большая часть изъ нихъ были пусты, или оставались въ нихъ старыя и малые. Этими многіе изъ казаковъ, въ особенности дальніе, пользовались, крали все, что плохо лежало: курить, поросятъ, опустошали врыны съ молокоомъ, забирали хлѣбъ; кроме того, пусались и на мошенничество: брали хлѣбъ изъ рукъ хозяевъ, особенно женщинъ, и не заплативъ за него, уѣбали. Оказывается, что многіе изъ нихъ дѣлали это по необходимости. Еще въ бытность ихъ въ Читѣ, съдѣлано было распоряженіе о пріобрѣтеніи на счетъ казаковъ мѣсныхъ чановъ для варки пищи, для чего приказано было каждому изъ казаковъ внести по рублю. Всѣхъ казаковъ было, говорятъ, 1,200 человекъ. Богатые внесли, а съ бѣдныхъ же, немѣстныхъ возможности уплатить, удержано было изъ кормовыхъ, отпущенныхъ на дорогу. Такимъ образомъ, за немѣнемъ денегъ на дорогу, казаки принуждены были красть, или идти голодомъ.

Иркутскѣ (корресп. «Вост. Обозр.»). Еслибы врачи-санитары заглянули въ наши присутственные мѣста, то наши бы тамъ все, что вредно для человѣческой жизни, — духоту, громадные стѣны на дороге, безразрѣтно курящаго плохой табакъ, въ маленькихъ, сравнительно, комнатахъ, отсутствіе вентиляціи, дурное устройство ретираторъ, при которомъ зловоніе заражаетъ воздухъ канцелярій, и т. п. Все это безусловно вредно дѣйствуетъ на людей и такъ некрѣпкихъ здоровьемъ, отъ сидячей жизни, отъ отсутствія движенія, этихъ несчастныхъ мучениковъ канцелярскаго труда, годъ отъ году увеличивающагося. Фабричный трудъ ограниченъ числомъ рабочихъ часовъ, а трудъ канцелярскій не ограниченъ ничѣмъ; въ этой области человѣческаго труда царитъ ничѣмъ неограниченный произволъ гг. столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленій, совѣтниковъ, предсѣдатель еі tutti quanti, Столоначальникъ, или кто-нибудь изъ перечисленныхъ чиновъ или особъ, желая отнестись по службѣ, удвоивши число исходящихъ, и этимъ поднять свою особую ступенчатую выше по іерархической лѣстницѣ, создаетъ для своихъ подчиненныхъ истинную муку. Особенно жестоко въ настоящее время живется чиновникамъ здѣшней контрольной палаты; служащіе стали засиживаться до 5 часовъ вдали; затѣмъ было объявлено о необходимости вечернихъ занятій по два раза въ недѣлю, а потомъ заговорили и о ежедневныхъ вечернихъ занятіяхъ. Даже во время поправки печей, когда глиняная пыль толстыми слоями ложилась на бумагахъ, столахъ, съдѣловательно, и на легкахъ счетчиковъ,

служащие должны были сидеть за работой обычный срок и глотать эту отраву. При таких неумолимых гигиенических условиях, число рабочих часов канцелярского чиновника зависит от произвола или каприза того лица, в руках которого находится их судьба. В определении на службу на канцелярских местах, даже на местах с ничтожным содержанием, играет часто большую роль протекция, родство, знакомство, единоличничество. Иногда особа выводит на значительную должность какое-нибудь лицо только потому, что оно когда-то было учителем жены особы. Подобное лицо, сразу занявшее видную должность по протекции или родству и незнающее и неумяющее возвестить тягот канцелярского труда, определяет размер его, не соображаясь с человеческими силами. Увлекался желанием только отличаться и думать о себе, оно надбавляет рабочие часы и не слышит возгласов: «Покажи меня! я брат твой!», которые раздаются из чашоточных грудей, как из груди гогтеньского Акакия Акакиевича.

Из Байкальского округа (кorr. «Восточ. Обзор.»). Урожай хлеба и корма скота, в Байкальском округе, хорош вообще; меда урожай средний, на сбор ореха виды слабые. — Вот новости Алтая, которые я вам и сообщаю.

По дороге из Байкала в Ангаудай, невдобжая последнего 20 в., в 1879 г. выстроили поселок русских крестьян. Крестьяне эти не те переселенцы, которые идут в Байкальский округ из внутренних губерний России, а всякий сброд из разных волостей Байкальского края и переселился во внутрь Алтая вбродно не в видах удовольствия в хлебопашестве и скотоводстве, а в видах наживы, а также легких и прибыльных спекуляций с казымками. Но, вбродно по неумию встать за дело, или система наживы была очень груба, только даже вечно доверчивые казымки поняли ее, стали спориться с крестьянами и просили русские власти удалить крестьян с их угодий. Крестьяне же лгуныя места, где пасся скот казымков, назначили под свой покос, и вблизи алауев сдѣлали посѣвы хлеба, лука и хлеба не огорожили, причем неизбежно являются поборы постоянных сборов крестьян с казымками. Крестьяне за порану хлеба или сѣновою угодьям скоту у казымков, и брали с посѣвныи довольно крупные и всегда произвольные штрафы. Казымки жаловались на эти несправедливости везму. Просили байское начальство, просили и в Омскѣ, но почему-то нигде ничего не получили, если не считать за защиту обѣщание сдѣлать формальное дознание — крестьяне же, оборонные безкачанностью, все больше и грубѣе обездоливали казымков, и такъ далеко зашли в этомъ, что стали останавливать казымков, будущи по дорогѣ возъ ихъ деревни, отбирали у нихъ все цѣнное имущество, и били казымков при всякомъ удобномъ случаѣ. Наконецъ, въ половинѣ июня крестьяне напали на казымков, завязавъ драку, на помощь казымкамъ явились родичи изъ разныхъ алауев, крестьяне выступили почти всеи деревней, и изъ края вышло побоеще, причемъ нѣсколько человекъ казымковъ тяжело ранено и одинъ буквально изуродованъ. Чрезъ нѣсколько дней бѣгъ у казымков пробѣгомъ окружной вратъ, засвидѣтельствовавъ убѣя и наездъ ихъ тяжкими — и только. Потомъ бѣгъ пробѣгомъ (проежая викарию Владимира по Алтаю) засѣдатель и обѣщавъ на обратномъ пути сдѣлать формальное сдѣлать, но казымки давно уже потеряли всякую надежду на формальное дознание и сдѣлать и рѣшились обратиться съ просьбой о заступничествѣ къ викарию Владимиру. Его преосвященство выслушалъ казымковъ, обогрилъ ихъ и обѣщавъ куда-то написать, а

наавтра в ангаудайскыи церкви говорилъ рѣчь православнымъ о томъ, что казымки народъ хотя и некрещеный, но быть ихъ и обѣщавъ грѣшно. — Не знаю какъ подѣлывали слова эти на православныхъ, но было бы очень хорошо, еслибы его преосвященство написалъ о случившемся кому създуетъ. Ноеится слухи, что казымки изъ своей среды избрали депутацию изъ нѣсколькихъ человекъ, собрали деньги, нашли опытного переводчика и направили эту депутацию за розысками правосудія, сначала в Омскѣ, а если тамъ не найдутъ удовлетворения, то рѣшено ѣхать въ Петербургъ. Здѣсь мнѣ пришлось слышать стараго казымка, который разсуждалъ създующимъ образомъ: «Въ алтайской вѣрѣ былъ и, — бѣднѣй былъ — скота не было, въ русскую вѣру пошелъ, думалъ русская вѣра лучше будетъ — тоже и скота нѣтъ, и хлѣба нѣтъ, никому я не наду. Былъ зѣбъ большой пощ (викарию Владимиръ), ходилъ къ нему, онъ сказалъ: не завидуй у кого богатства много, у кого скота много, а молись, чтобы тебѣ Богъ далъ, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ благодати вѣной. — А мнѣ теперь, пока я живу, ѣсть нечего, и поить нечего — что это за жизнь!»

Въ Ангаудай я былъ на казымцой свадьбѣ, женился некрещеный казымка, а на свадьбѣ было болѣе полонимъ крещеныхъ и даже самый обрядъ вѣчания и заклинанія дѣлали крещеные казымки.

Из Ферганской области (кorr. «Вост. Обзор.»). Вопросъ о ссылкѣ въ Сибирь, такъ сильно заинтересовавший русскихъ юристовъ и сибирское общество, имѣетъ близкое отношеніе и къ туземцамъ нашего края. Известно, что ссылка въ Сибирь, какъ наказаніе, стала практиковаться въ этомъ краѣ со времени прихода русскихъ. Какъ будетъ рѣшенъ о ней вопросъ, покажетъ будущее, но мы желаемъ отыгнать, какъ аномальное наказаніе, ссылку въ Сибирь туземцевъ Туркестанскаго края. Известно, что наказаніе преслѣдуетъ цѣль исправленія преступника, но не должно посягать на его здоровье. Установивъ это положеніе о наказаніи, мы обратимся къ вопросу о томъ, что можетъ дѣлать туземецъ Туркестанскаго края, сосланный въ Сибирь? Полная экономическая безпомощность — прямая отвѣтъ, благодаря тѣмъ климатическимъ условіямъ, среди которыхъ онъ выросъ и какія встрѣтить въ Сибирь, благодаря незнаюи имъ русскаго языка. Переносъ на родимъ жару до 48°, ему приходится переносить въ Сибирь морозъ, доходящій до упомянутыхъ градусовъ, не имѣя теплой одежды. Какія послѣдствія должны быть для здоровья отъ климатическо-экономическихъ условій, — вопросъ медицины, но думаемъ, что результаты должны получиться грустные, а потому наказаніе будетъ посягать на здоровье и не достигнетъ цѣли исправленія преступника. Намъ привелось недавно слышать объясненіе одного сарта, сосланнаго въ Сибирь и обѣщавнаго снова въ Туркестанскій край. Просто и математически вѣрными соображеніями оправдывалъ онъ свое бѣгство изъ Сибири на родину. — «Что я буду дѣлать въ Сибирь, говорить сартъ, одежды нѣтъ, холодно, работы некалъ нѣскольکو мѣсяцевъ. Никто не дастъ, языка русскаго не знаю, а потому и бѣжалъ въ Туркестанъ». А между тѣмъ вопросъ о ссылкѣ туземцевъ, если таковая останется въ будущемъ, болѣе цѣлесообразно разрѣшается по отношенію къ месту таковой, если мы впомнимъ стѣнную претрастнаго Самарской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. Тамъ, сосланный туземецъ скорѣе могъ бы быть полезнымъ членомъ общины, чѣмъ въ Сибирь, во-1-хъ благодаря климатическимъ условіямъ, къ которымъ ему пришлось бы привыкать съ менѣ печальными для здоровья послѣдствіями, чѣмъ въ Сибирь; во-2-хъ, вѣловныя аричныя работы (проведеніе каналовъ для орошенія полей) сдѣлали изъ туземца спеціалиста по

этой части, а въ нашихъ южныхъ губерніяхъ вопросъ объ искусственномъ орошеніи полей стоитъ еще на очереди.

ДВИЖЕНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ ВЪ МИНУСИНСКІЙ ОКРУГЪ.

Наступила осень, а за нею не заставившая себя долго ждать и лютая сибирская зима; всё тѣ несчастья, которые съ ранней весны являлись изъ Россіи въ Сибирь, ища медовыхъ рѣкъ съ кисельными берегами, volens-nolens—должны пріостановить свои дальнѣйшіе поски и остаться тамъ, гдѣ застала ихъ поздняя осень. Теперь самое удобное время подвести итоги новымъ переселамъ въ Сибирь, прибавшимъ въ этомъ году. Но собирать какия-бы то ни было свѣдѣнія въ Сибиріи частному человѣку особенно легко и по тому, вообще, что частный человѣкъ, не снабженный на збу кокардю, возбуждастъ «сомнѣніе»; и потому, что для частнаго человѣка никто не приложитъ особенныхъ трудовъ: «и времени» оказывается «мѣтъ», и «дѣлъ много», и т. д.; вотъ другое дѣло, если бы было распоряженіе отъ высшихъ властей: «оказывать Н всяческія пособія при собираніи изв. свѣдѣній»... Какъ ни кака, а намъ удалось собрать статистическія данныя по переселенческому вопросу за этотъ годъ, и мы сибирцамъ подѣлиться ими, напередъ говоря, что наши свѣдѣнія несомнѣнно прихрамываютъ и касаются только времени отъ апрѣля до іюля 1882 г. За эти четыре мѣсяца въ Минусинскій округъ прибыло переселенцевъ 86 человѣкъ обоаго пола изъ губерній: Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Вологодской, Тобольской и Полтавской, изъ каждой губерніи въ такихъ количествахъ:

Изъ Воронежской	11 муж. и 15 жен.
> Тамбовской	8 > 9 >
> Саратовской	5 > 10 >
> Вологодской	7 > 4 >
> Тобольской	5 > 2 >
> Полтавской	7 > 3 >

Переселенцы изъ первыхъ трехъ губерній поселились въ выселкѣ Самодурова, который принадлежитъ городу Минусинску, причѣмъ переселенцы изъ Воронежской губерніи направились въ Иркутскую губернію, а Тамбовской и Саратовской именно въ Минусинскъ; послѣднее обстоятельство объясняемъ тѣмъ, что въ Самодуровѣ очень значительный контингентъ лицъ, равнѣ переселившихся изъ губерній Самарской и Саратовской, о чемъ будемъ говорить ниже. Переселенцы изъ Вологодской и Тобольской губ. поселились въ дер. Малые Каниши, Абаканской вол., а переселенцы изъ Полтавской губ. въ д. Жарлыкки, Тесвиной вол. Бывшіе жители Вологодской и Тобольской губерній прямо шли въ Минусинскій округъ, хохлы же, полтавцы, имѣли намѣреніе проникнуть на Амуръ, но судьба привела ихъ къ намъ, гдѣ они, нужно полагать, и осѣдаютъ, такъ какъ въ Минусинскомъ округѣ малоросовъ проживаетъ немало.

Мотивы переселенія у всѣхъ одинъ и тѣ же: недостатокъ земли, а у переселенцевъ изъ Вологодской губерніи недостатокъ земли и лѣсу. Всѣ переселенцы шли на собственный счетъ, отъ казны пособій не получали, и такъ какъ свои средства были ишесскія, то кор-

мились въ большинствѣ по даяніями. Вотъ единственное имущество переселенцевъ, съ которыми они явились въ Минусинскій округъ:

На 26 чел. об. пола изъ Вор. губ. было 5 пов. 6 лоз. 0 рог. скота				
» 17	»	Тамб.	»	6
» 15	»	Сарат.	»	3
» 11	»	Волог.	»	—
» 7	»	Тоб.	»	5
» 10	»	Полт.	»	3
86				2
				19
				19

Выходить, если бы они ѣхали въ одно время и всё вмѣстѣ, то на одну повозку, везомую одною лошадыю, должны были садиться болѣе 4 человѣкъ—ѣзда, какъ видите, не изъ удобныхъ; но несомнѣнно, что, напримѣръ, воронежцы ѣхали именно такъ, т. е. по 5 человѣкъ на повозкѣ, а на одну повозку приходилось 6 человѣкъ. Нельзя отъ всей души не пожелать этимъ труженникамъ, ищущимъ куска хлѣба, поправить свои дѣла въ Минусинскомъ округѣ, хотя это, какъ говорится, еще вилами писано. Намъ, по крайней мѣрѣ, пришлось встрѣтиться съ тремя типами деревень въ Минусинскомъ округѣ, образованныхъ переселенцами: одна, построенная витскими переселенцами, другая малороссами и третья—мородво изъ Самарской губерніи. Весною этого года, мнѣ пришлось совершить путешествіе отъ Ачинска до Минусинска; на пути мнѣ встрѣтились двѣ переселенческихъ деревушки: Вятка, посіащая такое названіе, благодаря вятчанамъ, исключительно населяющимъ эту деревушку, и «Перевозные Хохлы», деревня съ исключительно малороссійскимъ населеніемъ. Не безъ наслажденія пробрался я по узасной дорогѣ къ Вяткѣ, думая увидѣть благоденствующаго русскаго крестьянина на сибирской почвѣ, среди необыятныхъ земель и лѣсовъ, находящихся въ его распоряженіи, но мнѣ пришлось разочароваться. Прежде всего я замѣтилъ, что мѣсто для поселенія выбрано прескверное и сама деревушка была крайне непріятная, въ одну улицу, съ полуразрушавшимися избушками. Что за диковина? предположилъ я себѣ вопросъ и остановился въ лучшемъ на видъ домѣ, скоро уже по душѣ разговаривая съ хозяиномъ.

— Давно изъ Вятской губерніи?—спросилъ я его.

— Давненко.

— Что вы такое мѣсто выбрали?

— Да Богъ его знаетъ... Развѣ знашь мѣсто—скорѣе бы прістроятся, а про мѣсто какъ узнашь? Разъ посла ужъ, а пришли—вадо селиться, кормиться какъ нубудь.

— Чего же вы на лучшее мѣсто не переберетесь?

— Куда его переберешься? Да коли сажли и вздумалъ бы перебраться, тамъ опять обстраивайся, обзаводись—а за что?

— Много лѣтъ повинностей не отбывали, податей не платили?

— Восемь.

— И не успѣли оправиться?

— Съ чего оправиться, коли ничего и не было, а какъ кой-что завелось—повинность пошла: партіи вози, дорогу справлял, потомъ деньгами тоже...

— Гдѣ же было все-таки лучше: въ Россіи или здѣсь?

— Да оно какъ будто здѣсь и попривольнѣе, да Богъ его знаетъ.

— Видь здѣсь земли сколько угодно, лѣсу...

— А что ты съ ними дѣлать будешь, ежли примѣрно больше ничего и нѣтъ: много земли не напашешь, ежели средств нѣтъ—такъ-то!

Я не могъ ничего возразить противъ вѣрности такого заключенія и съ душевною болью сѣлъ въ повозку, чтобы отправиться дальше; такъ какъ я бѣжалъ на вольныхъ, то немало было удивленъ, когда вмѣсто ямщика лошадыми правила баба.

— Что это баба везетъ?—спросилъ я у окружающихъ меня вятчей.

— А гдѣ мужика взять-то? отвѣтили они мнѣ вопросомъ: пѣмеръ.

— Развѣ и бабы у васъ повинности отбываютъ?

— У насъ на мертвыхъ кладутъ, а не то что на бабъ, отвѣтилъ какой-то мужичокъ.

— Какъ на мертвыхъ?

— Да вотъ перениси нѣтъ какъ нѣтъ, а у насъ померло человѣкъ съ полсотни, за всѣхъ и плати! Что, не слыхати о перениси? спросилъ зтогъ же крестьянинъ. Всѣ мужики придвинулись къ повозкѣ.

— Нѣтъ, я ничего не слыхати.

— А можетъ статься, что въ «Вѣдомостяхъ» пишуть?

— Не читаль.

— Не читали?

— Нѣтъ.

— Это видь штука, а сказывали, что будетъ.

Не скоро баба довезла меня до слѣдующей деревни, усердно погоняя свою несчастную кличку.—Какъ видите, судя по Вяткѣ, нельзя еще предположить о блаженствѣ состояннн русскаго переселенца въ Сибирн. Точь въ точь увидѣть я и въ «Перевозныхъ Хохлахъ», воздѣ Абаканска; въ этой деревушкѣ бѣдность поразительная, у малоруссовъ во всѣхъ деревнѣхъ не нашлось на одинъ рубль денегъ! Занимаются они рыбною ловлею, землешаствомъ и перевозомъ черезъ Енисей, отбывая эту повинность за окрестная деревни и села, за что получаютъ незначительную плату.

Только мордва порадовала меня; мордва поселилась здѣсь 20 тому назадъ въ Малой Митусѣ, въ 4—5 вер. отъ Минусинска, которому и принадлежитъ Малая Митуса.

— Что, хорошо здѣсь жить? спрашивалъ я пѣсколько разъ мордву: лучше чѣмъ въ Самарской губерніи?

— Не въ примѣръ лучше, отвѣтала мордвица довольно чистымъ русскимъ языкомъ: тамъ мы въ лантяхъ ходили—здѣсь въ сапогахъ, тамъ наземомъ отапливались—здѣсь дровами, тамъ въ курныхъ избахъ жили—здѣсь въ хорошихъ домахъ, тамъ голодали—здѣсь ѣдимъ вдоволь, тамъ земли не было—здѣсь сколько душѣ угодно, только жалъ, что всѣ задеки высахани; приходится искать задежекъ: неохота и два раза сѣять на одной землѣ.

Вотъ какъ живетъ мордва въ Минусинскомъ округѣ! Они говорятъ, что всѣ мордвнцы хотять сюда переселиться, да денегъ у нихъ нѣтъ.

Каково-то будетъ житья новымъ переселенцамъ въ Минусинскомъ округѣ? Объ этомъ когда нибудь разумаемъ и подѣлимся свѣдѣннми.

Петровичъ.

АНГАРСКАЯ ГРЕЗА.

(Дорожный набросокъ).

Вонъ видѣются горы Байкала

Въ чутъ замѣтной дали Ангары...

И душѣ моей живо предстала

Ты, избраница ювой пори!

Мнѣ мерещится смуглый румянецъ,

Смоль густыхъ, непокорныхъ волосъ

И отъ солнца блестящнхъ глянцевъ,

Отгнѣнный бутонами розъ.

Я узналъ васъ, сибирскія рози!

Разскажите вы, милыя, мнѣ:

Иль не губитъ снѣга и морозы

Васъ и въ нашей суровой странѣ?

И, какъ тихій младенческой лепетъ,

Мнѣ послышался ясно отвѣтъ:

«Мы цвѣтемъ, подавая свой трепетъ,

Ради родины, милый поэтъ!»

Омулевскій.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Судъ надъ Араби нашей состоялся 21 ноября (3 декабря). Египетскія власти обвиняли Араби лишь въ вооруженномъ бунтѣ и отказались отъ прочихъ пунктовъ обвиненія. Бывшій народный вождь призналъ себя виновнымъ. Онъ приговоренъ къ смертной казни, но хедивъ смягчилъ приговоръ и замѣнилъ для Араби-пашн смертную казнь пожизненнымъ изгнаніемъ въ Египта съ тѣмъ, что въ случаѣ возвращенія онъ будетъ немедленно казненъ. При засѣданнн суда, продолжавшемся не болѣе пяти минутъ, присутствовали лишь немногіе европейци. Европейское населеніе Александріи болѣе всего интересуется вопросомъ о матеріальномъ вознагражденнн пострадавшихъ во время бомбардированн и пожара города. Но разрѣшеніе этого вопроса еще не предвидится. О дѣйствнхъ пророка Махди положительныхъ свѣдѣнн пока нѣтъ.

— Въ Константинополѣ открытъ заговоръ противъ султана; производятся слѣдствія, арестовано нѣсколько высокопоставленныхъ пашей, распушенъ цѣлый полкъ султанской гвардіи, состоящій изъ черкесовъ и выслано на родину 120 черкешенокъ султанскаго гарема; кромѣ того, въ связи съ заговоромъ, какъ говорятъ, произошла перемена министерства. По мнѣнню многихъ иностранныхъ газетъ, заговоръ зтогъ есть ни болѣе ни менѣе какъ простая дворцовая интрига, не представляющая рѣдкости и въ Константинополѣ. На зтогъ разъ агитацію произвели сторонники Митхада-пашн, сосланныя въ свое время по подозрѣнн въ заговорѣ противъ султана Абдуль-Азиса. Если въ составъ новаго министерства войдутъ митхадисты, то кромѣ поворота во внутреннею и внѣшнюю политикѣ слѣдуетъ ожидать измѣненія и въ участн самого Митхада, творца знаменитой турецкой конституціи.

— Послѣ принатія гласговскаго билія о реформѣ парламентскаго дѣлопроизводства, дополнительная сессія англійскаго парламента кончилась. Засѣданнн палатъ закрыты. От-

посылкою Египта въ тронной рѣчи королевы высказано, что обязанности Англии въ отношеніи Египта умножились. Всѣ вопросы, предложенные членами парламента правительству о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ касательно египетскихъ дѣлъ, отложены до открытія слѣдующей сессіи въ февралѣ. Европейская конференція будетъ созвана не иначе какъ послѣ того, когда Англія убѣдится, что рѣшеніе державъ не представитъ ей затрудненій въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, чего англійское правительство достигнетъ предварительными переговорами съ кабинетами. Девиэтъ произнесъ въ Ирландіи рѣчь, въ которой высказывался противъ уплаты арендныхъ денегъ въ случаѣ, если Гладстоувъ, въ виду грозящаго западной Ирландіи голода, не окажетъ нуждающимся фермерамъ пособія изъ государственныхъ суммъ. Девиэтъ потребовалъ въ засѣданіи суда. Убийства продолжаются. Въ Дублинѣ убитъ Фильдъ, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, осудившихъ недавно крестьянина Гейнса; убійца скрылся въ экипажѣ.

— Совѣтъ французскихъ министровъ обсуждалъ средства обезпеченія исполненія договора, заключеннаго путешественникомъ Брацца съ предводителями африканскихъ племенъ на Конго относительно земельнаго пріобрѣтенія. Предложено отпрать экспедицію подъ руководствомъ самого Брацца, для ознакомленія съ краемъ въ торговомъ отношеніи и назначитъ коммерческаго агента въ мѣстности на Конго. Совѣтъ утвердилъ договоръ Брацца. Полагаютъ, что лонкій путешественникъ будетъ назначенъ губернаторомъ новой французской провинціи. Кроме этого земельнаго пріобрѣтенія Франція задумала повое, на восточномъ берегу Африки, въ виду англійскихъ владѣній, именно на островѣ Мадагаскарѣ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ мадагаскарскому посольству уступить Франціи нѣсколько прибрежныхъ пунктовъ, но получилъ отказъ. Посольство уѣхало въ Англію предложить протекторатъ на островахъ. Французское правительство намѣрено поступить энергично и готовить экспедицію противъ Мадагаскара. Британскій кабинетъ поспѣшилъ напомнить Франціи, что въ мадагаскарскихъ водахъ находится британскій судъ, который могутъ воспротвѣпить дѣйствіями французскіе противъ острова. Кроме того французскій путешественникъ Сольель занялъ отъ имени Франціи Таджурекую бухту, на границѣ Египта и Абиссиніи. По упрямѣйшимъ французской печати, Сольель пріобрѣлъ бухту въ силу договора съ султаномъ Лентивъ; англійскіе же газеты доказываютъ, что эта бухта принадлежитъ Египту въ силу особаго султанскаго фирмана и спеціальнаго декрета. Все это ставитъ Францію и Англію въ холодныя отношенія. Толки о замѣнѣ Жюлья Гревя все еще продолжаются. Такъ какъ нынѣшній составъ палаты враждебенъ Гамбеттѣ, то и шансовъ на избраніе его почти нѣтъ. Гамбетта, понимая свое положеніе, какъ о томъ сообщаетъ газета «France», интригуетъ съ цѣлью подыскать подставнаго кандидата на постъ Жюлья Гревя. Роль эта предложена будто бы имъ генералу Кампенону, бывшему военному министру въ кабинетѣ Гамбетты. Генералъ Кампенонъ, какъ увыряетъ «France», согласился занять президентскій постъ съ исключительною цѣлью распустить нынѣшнюю палату депутатовъ и произвести новые выборы при министерствѣ, составленномъ исключительно изъ гамбеттистовъ. Когда въ новой палатѣ окажется желаемое большинство, уже обезпеченное за Гамбеттой въ сенатѣ, генералъ подаетъ въ отставку и Гамбетта будетъ избранъ въ президенты. Бюджеты военнаго и морскаго министерствъ утверждены палатою.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликовано, что вслѣдъ за безпорядками въ казанскомъ и петербургскомъ университетахъ, студентами произведена была сходка въ университетахъ св. Владиміра въ Кіевѣ и пропозила безпорядки въ кіевскомъ и харьковскомъ университетахъ, въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ и въ девидовскомъ лицей въ Ярославлѣ, съ цѣлью выразитъ сочувствіе петербургскимъ и казанскимъ студентамъ. Лекціи въ харьковскомъ универ-

ситетѣ и ветеринарномъ институтѣ продолжались. Изъ девидовскаго лицей выслано 11 студентовъ на родину.

— Въ главномъ управленіи военноучебныхъ заведеній особою комиссіею разрабатывается, какъ передаютъ «Московскія Вѣдомости», проектъ новаго положенія о кадетскихъ корпусахъ, долженствующій превратить военныя гимназій въ корпуса не номинально, а фактически.

— Высочайше утверждёнъ 3 ноября 1882 года полный титулъ Императорскаго Величества. Въ російскій государственный гербъ включенъ туркестанскій гербъ (въ золотомъ щитѣ черныя лацціи единорога съ червленными глазами, языкомъ и рогами).

— Министерствомъ финансовъ, какъ сообщаетъ сегодня «St.-Petersburger Zeitung», несомнѣнно одобрительно отзывалось объ ассигнованіи дополнительной суммы на осуществленіе предложеннаго измѣненія университетскаго устава 1863 года. На преобразование университетскаго преподаванія испрашивается до 500,000 рублей въ годъ, на шесть университетовъ.

— «Новое Время» передаетъ, что императорское русское географическое общество рѣшило войти въ сношеніе съ другими учеными учрежденіями по вопросу о совместномъ изданіи подробнѣйшаго описанія Сибири со времени зачатія этой обширной страны русскими. Общество предполагаетъ принять на себя географическую сторону описанія и изданіе библиографическаго указателя существующихъ книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ.

— Та же газета сообщаетъ, что съ будущаго года предполагается установить пароходное сообщеніе по озеру Зайсану въ связи съ срочнымъ пароходствомъ по Иртышу, отъ Семипалатинска. Озеро имѣетъ восемьдесятъ верстъ въ длину и двадцать пять въ ширину. Съ открытіемъ пароходства по Зайсану, паровое движеніе будетъ совершаться отъ границъ Китая до Ледовитаго океана, по Иртышу и Оби, облегчая намъ торговыя сношенія съ Уруччи и Турфаномъ.

— Въ редакцію «Медицинскаго Вѣстника» поступило пожертвованій въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ съ 14-го октября по 20-е ноября всего 2,765 рублей 66 коп.

— Въ виду часто повторяющихся нареканій на наше сельское духовенство за поборы, производимыя имъ съ крестьянъ, святѣйшій синодъ, по словамъ «Нов. Врем.», занятъ въ настоящее время установленіемъ нормы визитныхъ платъ за равныя духовныя труды.

— Финляндскія газеты сообщаютъ, что нѣсколькими именитыми гражданами въ Гельсингфорсѣ учреждена комиссія для сбора пожертвованій какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ края, въ пользу семейства недавно умершаго «перваго публициста Финляндіи», главнаго редактора газеты «Helsingfors Dagblatt», отставнаго капитана Роберта Ларсборга.

— По слухамъ, въ сферѣ столичнаго городского самоуправления въ настоящее время поднятъ вопросъ объ обязательномъ обученіи въ столицѣ, для разработки котораго учреждена спеціальная комиссія.

— Гельсингфорскій «Утренній Листокъ» сообщаетъ о предстоящемъ въ непродолжительное время опубликованіи распоряженія, которымъ разрѣшается доущеніе женщинъ къ слушанію лекцій въ Александровскомъ университетѣ. По словамъ газеты, это вызвано ходатайствомъ университетскаго совѣта, послѣдовавшимъ еще въ 1878 году.

БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Вернъ. Современная Японія. (Изъ записной книжки моряка). Часть 1-я.—По пути въ Японію. Часть 2-я.—Японія. Съ приложеніемъ 4-хъ рисунковъ. Москва. 1882 г.

Настоящая книга, по скромному признанію ея автора, представляетъ собою «рядъ безхитростныхъ писемъ», печатавшихся въ продолженіи дѣлаго года на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей»; но собранныя въ одно цѣлое эти письма составили довольно обши-

стый труд, который, скажем уже от себя, если и много теряет в силу отсутствия системы въ изложеніи, тѣмъ не менѣе далеко не лишитъ интереса по богатству собранныхъ матеріаловъ и изслѣдованій.

Авторъ начинаетъ свое путешествіе отъ Генуи и затѣмъ неуловимо описываетъ всѣ главнѣйшія порты и гавани, которые встрѣчаются ему на пути въ Японію. Генуя, Неаполь, Александрія, Портъ-Саидъ, Измаилъ, Суэзъ, всѣ эти мѣста, какъ уже много разъ описанныя и хорошо извѣстныя намъ, не находятъ себѣ достаточнаго мѣста въ книгѣ г. Верна; точно также кратко его описанія и относительно Краснаго моря, Аденскаго порта и западной части Индійскаго океана вплоть до острова Цейлона; по отъ этого послѣдняго пункта авторъ ведетъ уже подробнѣе замѣтки обо всемъ, что пришлось ему видѣть и слышать. Остановившись въ Пуанъ-де-Галлѣ (на южномъ берегу Цейлона), г. Вернь предпринялъ сухопутное путешествіе въ Коломбо и Кэнди, и на пути въ эти города короткими словами рассказываетъ намъ исторію Цейлона, картинно представляя какъ перекрестилъ этотъ островъ изъ однихъ рукъ въ другія и какъ поочередно владѣли имъ сначала всѣ могущественныя державы Индустана, а потомъ португальцы, голландцы, французы и англичане. Въ описаніи современнаго состоянія острова г. Вернь представляетъ характерныя черты населенныхъ его племенъ, плылюловъ, малабаровъ: онъ рисуетъ передъ нами ихъ внѣшній бытъ, привычки, нравы и степень умственнаго развитія, на которой находится каждое изъ этихъ племенъ въ настоящее время. Богатства Цейлона составляютъ рисъ, изобилующее дичью, а изъ дарства животныхъ особенную пользу для населенія представляютъ слоны, прирученіе и обитъ которыхъ доставляетъ средства къ жизни тысячамъ семей. Авторъ даетъ подробное описаніе видныхъ имъ способовъ прирученія и относительно достоинства описываемыхъ животныхъ замѣчаетъ, что цейлонскіе слоны хотя и не такъ велики, какъ слоны Индустана, но замѣчательно послушны и способны къ работамъ. Еще болѣе замѣчательнъ Цейлонъ по своимъ жемчужнымъ ловнямъ, такъ какъ цейлонскій жемчугъ считается лучшимъ въ свѣтѣ,—онъ крупнѣе всѣхъ прочіихъ, да и по своимъ качествамъ выше чѣмъ жемчугъ арабскій и кормандельскій. Путешественникъ сообщаетъ объ удольянахъ, въ которыхъ поставилъ себя англійское правительство по отношенію къ жемчужнымъ ловнямъ, указываетъ сезоны, принятые на Цейлонѣ для ловли жемчуга, способъ, которымъ совершается эта ловля и съ особенными подробностями описываетъ рабочій классъ, ходяцій на эти промыслы. Пловцы и ныряльщики, по его словамъ, такъ привыкаютъ работать подъ водою, что некоторые изъ нихъ пробываютъ на днѣ моря въ теченіи 2, 3 и даже 5 минутъ. Хорошая плата, а еще болѣе доходъ могли бы очень скоро сдѣлать этихъ рабочихъ богачами, если бы они, какъ и простолюдины всѣхъ странъ, не были ужасно суевѣрны; каждая худая примѣта въ состояніи заставить работника отказываться отъ исполненія своихъ обязанностей. Передъ началомъ работы всѣе всегда совѣтуется съ буддистскими заклинателями объ увѣхъ, и послѣдніе немилосердно обираютъ ихъ, за свою науку гаданій. Въ свою очередь и хозяева ловли передъ началомъ работъ также точно даютъ обѣты Буддѣ, умоляя его о хорошемъ увѣхѣ. Эти заклинанія и обѣты послужили поводомъ къ образованію на Цейлонѣ особой касты жрецовъ, которая только тѣмъ и занимается, что читаетъ заклинанія, да нависаетъ у богатыхъ хозяевъ исполнить данные ими обѣты.

Плывя по Бенгальскому заливу отъ Цейлона до Малакки, г. Вернь совершилъ переходъ по такъ называемому „ураганному пространству“, и это даетъ ему поводъ съ тактичностью ученаго моряка изложить предъ нами различныя теоріи, объясняющія происхожденіе урагановъ. Судно г. Верна прошло довольно счастливо по бурному заливу и только повстрѣчавшійся смерчъ нарушилъ однообразіе его плаванія. Остановившись у порта Малакка, авторъ излагаетъ его современное значеніе, а за симъ переходитъ къ описанію всего полуострова въ естественномъ отношеніи. Пробывъ на Малаккѣ сравнительно недолго, г. Вернь не могъ побѣдить здѣсь многихъ замѣчательныхъ мѣстъ, но онъ даетъ намъ подробное описаніе перваго виднаго имъ индійскаго храма Махабалиштри, который высятся въ скалѣ и замѣчательнъ по своей древности, на что указываетъ сообщаемая г. Вернемъ легенда о происхожденіи этого храма. Въ Сингапурѣ г. Вернь впервые встрѣтилъ китайцевъ: они

составляютъ здѣсь самый низшій классъ—рабочихъ, но живутъ въ такомъ громадномъ числѣ, что исполняютъ почти всѣ работы въ городѣ, и нужно сказать, исполняютъ ихъ съ честью. По отзывамъ сингапурцевъ, китайцы очень воспримчивы, наблюдательны, быстро привыкаютъ къ мѣсту и къ людямъ, изучаютъ привычки своихъ гостей, и положительнѣе незаметными какъ слуги. Г. Вернь и самъ убѣдился въ этомъ, когда пришлось ему пробывать даже по портамъ собственнаго Китая. Впрочемъ, расторопные на работахъ, китайцы не менѣе тароваты и въ другихъ дѣлахъ, далеко не рекомендуемыхъ ихъ націю: въ Гон-Конгѣ, напримеръ, китайскіе воры такъ замѣчательно по своей ловкости, что учиняются сдирать мѣдную подоловую обшивку съ судовъ, стоящихъ на рейдѣ.

На подробный осмотръ Гонъ-Конга г. Вернемъ уже употреблено два дня, а за симъ, желая возможно болѣе познакомиться съ Китаемъ, отправился въ Кантонъ и Макао. Поднявшись на пароходѣ вверхъ по р. Си-киану (Си-цзянъ) до Кантона, г. Вернь дѣлаетъ замѣтку о чудовищной дороговизнѣ жизни для европейца въ Кантонѣ (комната со столомъ въ сутки стоитъ 5 долларовъ), послѣ чего горитъ перейти къ описанію жизни кантонскихъ китайцевъ. Наблюдая участивъ жизнь въ томъ порядкѣ какъ она представлялась ему по выходѣ изъ дверей гостиницы, г. Вернь картинно описываетъ цѣлый лабиринтъ китайскихъ торговыхъ улицъ, и всю суетню, производимую на нихъ населеніемъ Кантона, простирающимся до 2-хъ милл., не считая 80 тысячъ живущихъ на рѣкѣ. Даже описываетъ озы площади, на которой производятся въ Кантонѣ казни, пытки и публичныя казненія; описываетъ китайскихъ преступниковъ, описываетъ пощеніе именъ китайскіе храмы, похоронные обряды китайцевъ, которые также удалось ему видѣть; наконецъ описываетъ подробно чайная фабрики, которые помѣщаются здѣсь на окраинахъ города. Вообще все описаніе кантонской жизни написано чрезвычайно живо и читается съ большимъ интересомъ; жаль только, что въ некоторыхъ случаяхъ авторъ не довольствовался своими наблюденіями, а дополнялъ ихъ еще тѣмъ, что сообщали ему руководившіе спутники, и въ этихъ-то случаяхъ, какъ оно и всегда бываетъ, онъ наговорилъ много ложнаго. Возьмемъ для примѣра хоть трактатъ о фабрикантѣ чая. „Чайные листы, говоритъ г. Вернь, нѣсколько времени держатся въ кипящей водѣ, потомъ ихъ кладутъ на желѣзные листы, и держатъ въ печѣ до тѣхъ поръ, пока листы не начнутъ морщиться; затѣмъ ихъ раскладываютъ слоемъ на доскахъ и сушатъ отдѣльно каждый листикъ. Эта работа тонкая, такъ какъ нужно избѣгать скатыванія этихъ листевъ. Послѣ этой операціи, вся масса опять сунута въ печи“⁴. Нужно ли говорить, что если бы даже у насъ не было прекрасныхъ и полныхъ описаній чайной фабрикаціи, то и тогда мы не повѣрили бы этой чепухѣ, ибо несомнѣнно, что все населеніе Китая, взятое цѣлкомъ, едва свернетъ столько листиковъ, сколько сваритъ ихъ въ своихъ чайникахъ, и горшкахъ одна Россія, не говоря уже о другихъ народахъ, такъ же точно пользующихся этимъ даромъ Небесной имперіи.

Въ замѣткахъ о городѣ Макао о особенно интересно у г. Верна описаніе шелковыхъ фабрикъ и роцъ шелковожныхъ деревьевъ. Путешественникъ подробно описываетъ воспитаніе шелковожныхъ червей и уходъ за ними; излагаетъ процессъ, какимъ образомъ выпускаютъ черви тонкую шелковожную и выютъ коконы; даетъ свѣдѣнія даже о томъ, какъ коконы сортируются, чистятся и какъ наконецъ приготавливаются изъ нихъ шелковая нитка.

Въ дальнѣйшемъ пути къ Японіи, авторъ останавливается на описаніи Формозы, излагая исторію этого острова, тѣсно связанную и съ исторіею Формозскаго пролива. Послѣдній, какъ извѣстно, на сѣверѣ соединяется съ Китайскимъ моремъ, омывающемъ берега Японіи, составляющей цѣль странствій г. Верна.

Описаніемъ пребыванія въ Японіи начинается у автора вторая часть его книги. По прибытіи въ Нагасаки г. Вернь сошелся съ однимъ японцемъ, проведшимъ юность въ Россіи, и хорошо знавшимъ русскій языкъ; это обстоятельство на первыхъ же порахъ дало г. Верну возможность начать правильно изученіе Японіи. Перебравшись въ деревню Иносусъ, г. Вернь съ перваго же дня началъ изученіе японскаго языка, а для насъ между тѣмъ представляетъ описаніе японскихъ костюмовъ и причесокъ, различіяхъ, какъ и вездѣ, смотря по полу и возрасту лицъ, которыя ихъ носятъ; описываетъ вышшій видъ японской деревни и устройство японскихъ жилищъ,

наконецъ въ даже мельчайшія принадлежности японскаго хозяйства. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ на описаніи японской лаковой посуды, причѣмъ отдаетъ преимущество старому у лаку. Секретъ стараго лака, кажется, пропалъ безслѣдно и въ Японіи теперь не дѣлаютъ болѣе вещей изъ стараго лака; по вѣшнему виду лакъ этотъ не особенно отличается отъ новаго, но онъ превосходитъ этотъ послѣдній тѣмъ, что никогда не портится и не трескается. Изъ Иноса г. Вернъ постоянно совершалъ путешествіе въ городъ Нагасаки и, описывая этотъ городъ, останавливается на его памятникахъ старинныхъ сношеній Японіи съ Европой и европейцами и рассказываетъ намъ исторію этихъ сношеній; но симпатіи г. Верна очевидно лежали не къ Нагасаки, уже много разъ описанному и исследованному, а къ неизвѣстной для насъ деревенской жизни Японіи. Въ Иносѣ путешественникъ наблюдалъ эту жизнь во всей ея полнотѣ отъ домашнего очага, гдѣ проводитъ японецъ свое обычное время, до гостиницы, въ которой совершаетъ онъ всѣякой свой праздникъ. Изъ объясненій, замѣченныхъ г. Верномъ въ Иносѣ, особенно подробно описана татуировка, равно какъ и самая операція этого варварскаго обряда. Японцы видятъ въ татуировкѣ полурелигіозный законъ, который поддерживается у нихъ на основаніи легенды;—предупредительный авторъ не преминулъ представить намъ въ своей книгѣ и эти легенды, чрезвычайно интересныя по своему содержанию.

Но Иноса, будучи приморскою деревенькою, не могла удовлетворить собию любознательности г. Верна, онъ ждалъ забраться вглубь страны, увидѣть дѣйствительный японскій городъ, или даже деревню, а не иностранную колонію, каковыя всѣ прибрежныя порты Японіи;—позвлекатся съ такими японцами, которыхъ еще не коснулася европейская цивилизація. Съ этою цѣлью совершилъ онъ экскурсію въ японскія деревни и на первый разъ посылтъ деревню Токидо. Здѣсь пришлось видѣть ему храмъ Набесима, одинъ изъ тѣхъ немногихъ храмовъ, которые принадлежатъ вѣку господства въ Японіи религіи Шинту. Изложивъ при этомъ слѣдуя основное поватіе о религіи Шинту, г. Вернъ описываетъ этотъ храмъ, назвавъ вмѣстѣ съ сѣмъ исторію его построенія и существованія. Въ Токидо путешественникъ видѣлъ и первый японскій театръ, описаніе котораго не менѣе интересно, чѣмъ и знаменитаго храма религіи Шинту. Во всѣхъ принимаемыхъ экскурсіяхъ г. Вернъ не только не встрѣчалъ рѣшительнаго никакаго препятствія для своихъ изслѣдованій, а напротивъ скоро подружился съ японцами, замѣчая для насъ, что японцы вообще народъ очень доверчивый и требуютъ отъ иностранца только вѣжливости и доли уваженія къ своимъ обычаямъ. Удовлетворяя этимъ требованіямъ, самъ г. Вернъ быстро приобрѣлъ себѣ множество знакомцевъ, и эта связь дава ему возможность еще ближе и правильнѣе изучать бытъ Японіи. Вскорѣ получивъ онъ приглашеніе отъ одного изъ своихъ знакомыхъ на свадьбу, и потому съ достаточною подробностью излагаетъ намъ выдѣляя имъ брачныя церемоніи японцевъ, которыя впротѣмъ весьма немногосложны. Основнымъ условіемъ при бракахъ вообще, считается у японцевъ обходное согласіе сторонъ; оно замѣняетъ собою и законъ, и церковную санкцію настолько, что у буддистовъ замаску изключается всякая обрядность и только богатые празднуютъ свадьбы по установленнымъ обрядамъ. Церемонія брака начинается гаданіями, послѣ чего дѣвушку-невесту переражаютъ въ дамскій костюмъ и начинаютъ бражничать за свадебнымъ столомъ. Послѣ обѣда слѣдуютъ пѣсни и танцы; послѣдніе отличаются у японцевъ характеромъ изобразительнымъ и главную роль въ нихъ играетъ мимика. Въ этихъ удовольствіяхъ проходитъ время до глубокой ночи, когда гости расходятся и свадьба считается сыгранною. Описанную свадьбу г. Вернъ видѣлъ въ деревнѣ Прабаяшъ, проѣзжая къ которой, онъ посылтъ на дорогѣ замокъ князя Сатсумуеи, еще такъ недавно прославившагося оппозиціею противъ европейцевъ. Замокъ этотъ относился ко времени своего построенія къ эпохѣ феодализма въ Японіи, и японцы носятъ на себѣ характеръ этой эпохи донынѣ; это обстоятельство даетъ г. Верну случай рассказать намъ о феодализмѣ вѣкъ въ Японіи поблуднѣмъ мелководіями и жестокостями японскихъ сѣюгуновъ. Въ дальнѣйшемъ описаніи, пребываніи г. Верна въ Иносѣ—замѣчательныя его трактаты о промышленности японцевъ. Обширныхъ фабричныхъ

и заводскихъ центровъ въ Японіи, собственно говоря, нѣтъ вовсе: все дѣлается въ ручную, и каждый промыселъ дробится въ массѣ народонаселенія; за всѣмъ тѣмъ въ Японіи, какъ и вездѣ, есть мѣста пресловутая тою или другою промышленностью. Такимъ образомъ, городъ Кагосима славею производствомъ фарфоровыхъ издѣлій, урочища компаніи Така-сима разработкою и издѣліями наменоваго угля и пр.; особенно интересенъ рассказъ г. Верна, обѣ устроившій японскіе стѣнныхъ часовъ, идея которыхъ, также какъ и остроуміе механизма поражаютъ европейцевъ.

(Окончаніе будетъ)

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 23 ноября. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 23¼ пенса за рубль, на Парижъ 250 сантим., на Гамбургъ 202½ пфен. Полуимпериалъ 8 р. 30 к., рубль серебр. 1 р. 38 к.; 5% бил. Госуд. Банка 1 вып. 93¼, 2 вып. 90¼, 3 вып. 91, 4 вып. 90¼, 5 вып. 90¼. Восточный заемъ 88¼, 5% Первый выплр. заемъ 212, второй выплр. заемъ 204. Облг. Сиб. гор. кред. общ. 84. Моск. гор. кред. общ. 84½, закл. лист. общ. взам. позем. кред. (металл.) 129¾, 5½% рента 97, закл. лист. земск. банка Херс. губ. 89¼, 6% закл. лист. Харьк. зем. банка 90¼, Моск. зем. банка 96, Сар.-Симб. зем. банка 75. Тифлсск. зем. банка 86. Акц. Русск. для вышн. торг. банка 259½, акц. Сиб. торг. банка 336, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 249¼, акц. Рыб.-Вол. ж. д. 59¼, акц. Гряз.-Париз. ж. д. 82¼. Настроеніе биржи съ курсомъ слабѣе, съ бумагами тихое. Дисконтъ отъ 6½ до 8%, въ Лондонѣ 5, въ Парижѣ 3½, въ Гамбургѣ 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1883 годъ

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 мѣсяцевъ	8 р. 50 к.	На 12 мѣсяцевъ	9 р. — к.
> 11 >	8 > — >	> 11 >	8 > 50 >
> 10 >	7 > 50 >	> 10 >	8 > — >
> 9 >	6 > 75 >	> 9 >	7 > 40 >
> 8 >	6 > — >	> 8 >	6 > 70 >
> 7 >	5 > 25 >	> 7 >	5 > 90 >
> 6 >	4 > 50 >	> 6 >	5 > — >
> 5 >	3 > 90 >	> 5 >	4 > 60 >
> 4 >	3 > 25 >	> 4 >	3 > 70 >
> 3 >	2 > 50 >	> 3 >	2 > 75 >
> 2 >	1 > 90 >	> 2 >	2 > — >
> 1 >	1 > — >	> 1 >	1 > 10 >

За границу: на 12 м. 17 р., на 6 м. 9 р., на 3 м. 5 р., на 1 м. 2 р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланна, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровни, Столѣнниковъ пер., домъ Корвинкина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ—Rue Clément, 4, Adam.

Гг. нигородіе благоволятъ адресовать преимущественно въ контору изданія „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

Редакторъ-Издатель Н. П. ЛАННА.

Редакторъ-Издатель Н. М. Ядринцевъ.